

П.П. Африкантов

Дарунино поле

или

*сказ о том, как саратовский
калач испекли*

Саратов 2021

П.П. Африкантов

Дарунино поле

или

сказ о том, как саратовский

калач испекли

Саратов

2021

Африкантов П.П.

ДАРУНИНО ПОЛЕ

или сказ о том, как саратовский калач испекли.

52 стр. г. 2021 .

Этот сказ об одном из символов города Саратова и Саратовской губернии – саратовском хлебном калаче. О саратовском калаче написано много, а вот о том, как он появился на свет нет ни строчки. Автор восполняет этот пробел.

Книга предназначена для широкого круга читателей

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование
П.П. Африкантова.

© П.П. Африкантов, 2021

Над Саратовом обеденный покой. Ни ветерка, ни голоса, ни полёта птицы. Старая развесистая ива укрыла от посторонних глаз группу мальчишек с прилегающих улиц. Тихо. Мальчишки, в разных позах, разместились под ивой; кто-то сидит на трухлявых пнях, кто-то шепчется с соседом. Один прислонился к стволу и улыбается с закрытыми глазами. Чему улыбается, бог весть. Что их ждёт сегодня? Возможно, кто-то удачно стянет кошелёк у приезжего купца, кто-то – крендель у зазевавшейся торговки, а кто-то сбегает посыльным в затон и за это получит честно заработанные копейки. Будут и те, кому не повезёт, кого поймают на воровстве и изрядно поколотят. У каждого из этих уличных бродяжек судьба сегодня сложится по-разному.

– Эй! Дружаны! Хорош нежится. Слухай сюда.
– Проговорил высокий рябой мальчишка. Все повернули головы в его сторону. – Сегодня мы сделаем скачок, то есть совершим ограбление филипповской булочной. – Мальчишки сразу загалдели. – Ша! Галдёж, босота... – остановил возникший шум Шмоня. – Слушать и не перебивать. Вопросы задавать по существу.

Шмоня – предводитель мелкой саратовской детской воровской шайки. Воришки – в основном, малолетки, из неблагополучных семей. Шмоня заметно старше других и является непререкаемым авторитетом. Заросли ивняка и сирени, в которых проходит собрание – есть штаб команды.

«А нас там не сцапают?» – спросил кто-то.

– Не сцапают, если всё хорошо продумать, – ответил Шмоня.

– Я видел, как рано утром к Филипповке подкатила красноколёсая Шмидтовская пролётка с крупчатником. К нему сел, по дорожному одетый, кондитер из хлебопечки и они укатили в сторону Соколовой горы. – Проговорил всезнающий Петька Шмыга.

– Эта информация не к месту, – заметил Шмоня. – Укатили и укатили. Гусиное перо им в зад. Нам какое дело до того, куда крупчатник с кондитером поехали. Мы у них что, разрешение на ограбление должны взять, а они раз и уехали, не подписав с нами бумаги...

Кто-то прыснул со смеха, а потом смех овладел всем собранием, разом прогнав царствующий здесь недавно покой и обеденную негу.

– И так, – продолжал Шмоня, – Ты, Санёк, делаешь отвлекающий маневр. Маневр должен быть таким, чтоб все рты раскрыли, понял? – обратился он к мальчишке лет одиннадцати с гармошкой на коленях.

– Сделаем! – ухмыльнулся Санёк и звякнул колокольчиком гармошки.

– Можно без этих твоих шуток, – осклабился предводитель.

– Можно. Только гармошка тоже подтверждает.

– Ты, Капрал, – обратился Шмоня к рыжему, веснушчатому мальчишке, – как мы с тобой обговаривали, сделаешь выпад. И чтоб руки, как в прошлый раз не дрожали... Понял?

– Так они дрожали тогда не от страха, а от того, что мы перед этим какой-то дряни с Кренделем накурились. Правда, Крендель!?

– Было дело, – выкрикнул сиплым голосом мальчишка с прозвищем «Крендель».

– Всё! Ша! Растявкались. – Приструнил мальчишек Шмоня. Остальные подыгрывают толпе известными способами. И чтоб всё было натурально... А теперь разбежались.

* * *

А жаль, что мальчишки из команды Шмони не обратили внимания на отъезд красноколёсой пролётки. Это был, так сказать, исторический момент в жизни Саратова, который не был зафиксирован и описан ни одним историком

губернии. А надо было зафиксировать. Теперь же, когда команда Шмони готова что-то украсть из булочной, красноколёсная пролётка уже пылит по просёлочной дороге на севере Саратовской губернии. Две пегие лошади легко тянут четырёхколёсный экипаж с откинутым назад кожаным верхом. В пролётке покачиваются на рессорах двое средних лет мужчин. Один из них, что поплотнее и пониже, в кепке, сшитой на немецкий фасон – крупчатник с мельницы Шмидтов, Христофор Петрович Бушман, а рядом с ним сидит саратовский кондитер, заместитель управляющего хлебопекарным производством Дмитрия Ивановича Филиппова в Саратове и по совместительству главный кондитер пекарни – Вертягин Афанасий Матвееч. Мужчины знают друг друга не первый год и относятся друг к другу доверительно.

– Всё вдовствуешь? – спросил Христофор Петрович Афанасия Матвееча.

– Куда ж деваться... Отошла моя Клавдюшка в сыру землю не вовремя.

– Н-да... Господни пути неисповедимы. – Ответил крупчатник. – Женится-то, не надумал?

– Других, на месте моей Клавдюши, представить не могу.

Помолчали.

– А, что? – спрашивает Христофор Петрович. – Поделится бы, Афанасий Матвеич, своими задумками. Знаем мы друг друга не первый год, а ты всё молчишь и молчишь. Не будет же хозяин мельницы, снимать меня просто так с работы и посылать показывать тебе пшеничные поля, которые для него святее святых. Об этих полях только и знают два человека – я, да он. И тут на тебе – «Поезжай, Христофор Петрович, и покажи хлебопёку и кондитеру самое лучшее, что у нас есть». Я весь в недоумении... Андрей Иванович рассказал бы мне о вашем с ним разговоре, только ему некогда было. Наш же с ним разговор закончился словами «потом, потом, потом... Поезжайте, не медлите. У Филипповцев хорошая задумка...» – и даже пролётку свою выделил. Такого никогда не было. Так вот уж раз мы едем вдвоём среди полей, вы мне, любезный, Афанасий Матвеич, и разъясните, что к чему? Почему такая спешка?

– Секрета, Христофор Петрович, от вас никакого нет. – Начал говорить Афанасий Матвеич. – Какие могут быть от крупчатника секреты. Крупчатник – это такая на мельнице должность, которая обязывает про зерновые в округе знать всё и вся.

– Это правда. Только вот чем вы купили хозяина мельницы? Что вы ему за предложение сделали, не терпится узнать.

– Ну не я лично делал это предложение, а управляющий хлебопекарни. Хотя, не скрою, инициатива исходила от меня.

– Ну, а именно?

– Всё, Христофор Петрович, очень просто... Как я понимаю, мы остановились у того самого поля, которое вы хотели мне показать?

– И вокруг два-три поля тоже, – улыбнулся крупчатник.

– Очень хорошо. Вот эти два-три поля дают вам прекрасное зерно, которое вы перемалываете в отличную муку. А дальше вы муку продаёте, например, нам для выпечки хлебных изделий.

– Всё верно, Афанасий Матвееч. Так оно и есть. Так в чём же секрет?

– А секрет в том, что на этих полях, пшеничка разная растёт. Тут много причин. Какой света больше достаётся, у какой земелька получше, какая в низинке растёт, какая на бугорочке... Каждому из растений тепла, света, влаги по-разному достаётся. Так что по одному склону поля одна пшеница вырастет, а по другому – обязательно, немного, но другая. Вы, мукомолы, эту разницу не учитываете. Для вас важно общее качество. А для меня сейчас важно найти на этих полях те места, где пшеничка вырастает самая лучшая. Мне важно выявить потолок возможностей твёрдого сорта

пшеницы «Белотурка». И вот с этим потолком возможностей мы в хлебопекарне и будем работать.

– А откуда такая мысль появилась?

– Всё просто, Христофор Петрович. Мне ведь иногда такая особенная мучка в помоле попадает, ведро или два, случайно. Вот отсюда и мысль родилась, что не используем мы нашу белотурку во всей красе и силе. Связались с Дмитрием Ивановичем Филипповым. Рассказали ему о своей задумке. А он на это говорит: «Обязательно этим надо заниматься. Хлеб, созданный из местных сортов, тем и велик, что он к собственной ниве привязан. Лучше всего о зерне знают крупчатники. Возьмите с мельниц знающего человека и, главное, найдите хлебопёка, с творческой изюминкой, чтоб этим делом занимался, чтоб душой горел. Не будет такого человека, то хоть самую лучшую муку в мире себе на производство привези – толку не будет».

– А нашей мельнице от этого, какая польза? – недоумённо спросил Христофор Петрович.

– А самая прямая... Если учесть то, что из отобранной пшенички нам с вами удастся создать новый продукт, которого нет ни в одном городе страны и не может быть, потому что зерно такое только есть у нас и больше ни у кого нет. Вот и польза...

– Неужели на Муромский калач желаете замахнуться!? – воскликнул удивлённо крупчатник.

– А это зависит от того какие сливки мы снимем с этих полей? Мука покажет, на что стоит замахиваться. Ясно только одно, что от этого нового продукта цены и на изделия и на муку обязательно поднимутся. В прибыли будут и мукомолы, и кондитеры. Вот так вот, Христофор Петрович. И вы мне в этом деле поможете. Походим по полям, сделаем выкосы, отметим точки, и обмолоченные пробы с бирками увезём в Саратов. В Саратове медлить не будем, тут же зерно перемелем, и булки в печь. Затем будем смотреть, и пробовать получившиеся экземпляры. Ту пшеницу, из которой получатся лучшие булки, скосим и обмолотим отдельно. В выборе ценных экземпляров пшенички я только на вас полагаюсь. В муке я разбираюсь, а вот в растениях, когда они в поле растут – тут я совсем не специалист.

– Вот оно что-о-о?! Интересно-о-о-о... – протянул крупчатник. – Новое изделие, значит, решили сотворить... Это другое дело... Это совсем другой оборот. Я с вами, Афанасий Матвеич! Мне это дело нравится. Поехали. Начнём не с поля, а с деревни. Так вернее будет. Эй! Федот, трогай! – сказал он кучеру.

– Куда трогать то, батюшка? – спросил кучер, обернувшись.

– Как всегда, к Дарье Филимоновне держи.

– Но-о-о! Милые-е, – не сказал, а пропел кучер, дёрнул вожжи и пролётка тронулась.

– Почему с деревни начнём, Христофор Петрович? – спросил Афанасий Матвеич.

– А потому что, в ней люди живут, эти поля обрабатывают. И твои эти отрезки, и квадраты они лучше всех знают, потому, как и сеют, и пахут, и убирают веками... Я знаю, поля в целом, а они – в частности.

– А кто такая, Дарья Филимоновна?

– Сейчас узнаешь. Это как раз слепок женщины из поэмы Николая Некрасова.

– Ну, друг, ты хватил... – со смехом проговорил кондитер.

– Ничего не хватил. Сам увидишь. Между прочим, стряпуха отменная. Её пирогов поешь – пальцев на руке не досчитаешь. А сегодня, как раз суббота, завтра воскресенье. Возможно, и удастся нам откусать её пирога...

– Хвалить ты, Христофор Петрович, горазд...

* * *

А в это время, пока добрейшие Христофор Петрович и Афанасий Матвеич путешествовали по полям вёрст за сто от Саратова, в городе события текли, как своим чередом, так и не очень. Например, извозчик задавил на улице Белоглинской курицу. Купалась курица в дорожной пыли,

радовалась теплу и неге, а её раз и нет. Это бывает. Это то, что своим чередом идёт. Или вот на улице Московской подвыпивший дворник получил за нерасторопность от барина по физиономии. Это тоже бывает. А вот, что бывает крайне редко или является, можно сказать, единственным фактом, так это то, что около булочной, уже знакомого нам, хлебопёка Дмитрия Ивановича Филиппова, о котором мы недавно говорили, собралась толпа. А если собралась толпа, то, сами понимаете, дело там происходит совсем не рядовое, это не задремавшую курицу колесом переехать.

* * *

Погожий день. На крыше филипповской булочной стоит пацанёнок лет одиннадцати, наигрывает на гармошке с колокольчиками и припевает. Внизу толпится народ. Кто-то качает головой, глядя на проделки безотцовщины, кто-то боится, что он сорвётся с крыши двухэтажного строения и, если уж не разобьётся насмерть, то покалечится наверняка.

– Санька! Хватит комедь разыгрывать! – кричит дворник Сысой. – Слазь, а то уши поотвертаю!

– А ты пымай! – кричит в ответ Санька, – Тогда и отвертаешь!

«А, хорошо, стервец, играет». – Заметил кто-то из толпы.

«Эта гармошка ему досталась после отца; помер сердешный. С гармошкой мальчишка не расстанется» – сказала пожилая женщина в платке, завязанном на два конца.

Откуда-то появились два полицейских в белых кителях с длинной лестницей. Лестницу поставили на землю и прислонили к стене. Один блюститель саратовского порядка стал по ней подниматься, то и дело, грозя мальчишке всякими карами. Другой полицейский стал взбираться по пожарной лестнице. И вот, когда полицейский, что поднимался по пожарной лестнице, добрался до кровли и стал осторожно по ней на четвереньках двигаться в сторону нарушителя общественного порядка, а другой, таким же порядком стал продвигаться к мальчишке с другой стороны крыши, произошло неожиданное. Гармонист не стал дожидаться, когда его схватят, перешагнул через оголовок крыши и ступил на узкий фриз, отделяющий первый этаж от второго. Толпа ахнула и замолкла, Любое неосторожное движение и падение вниз неминуемо. Полицейский развёл руками. Однако всё разрешилось благополучно. Мальчишка, просто ухватился за привязанную, им же ранее, верёвку, сбросил её конец вниз и по ней соскользнул на землю.

– Представление окончено, уважаемые граждане! – проговорил он, галантно раскланявшись и ловко увернувшись от Сысовых пальцев, которые пытались схватить его за ухо, скрылся в растущем неподалёку

кустарнике. После этого нерасторопный полицейский ещё долго по приставленной лестнице спускался с крыши, а кучка ребятишек из команды Шмони, глядя, как он осторожно нащупывает перекладыны, покатывалась со смеха. Вот такой произошёл случай. А теперь давайте вернёмся к нашим путешественникам.

* * *

Минут через пятнадцать пролётка уже стояла около небольшого, но добротного дома. На шум, подъехавшего экипажа, вышла хозяйка. Из-за её спины выглядывало смущённое личико девочки лет четырнадцати. Видно дочери.

Хозяйка была крупного телосложения, как на деревне говорят – широкой кости, с немного вьющимися каштановыми волосами, правильным носом и невероятно лучистыми глазами и милейшей улыбкой.

– Опять мы к вам в гости, несравненная Дарья Филимоновна, – проговорил крупчатник и, как старый знакомый, обнял хозяйку.

– Хорошим гостям всегда рады... А это кто с вами?

– А это Афанасий Матвеич Вертягин в ваши места пожаловал. Заместитель хлебопекарным производством Филиппова в Саратове. Он, можно сказать, главный кондитер

губернского центра. Интересуется вашими полями. Думаю, что вы ему во многом поможете... Здесь и моя просьба тоже.

– Это, смотря в чём, я могу помочь? – немного кокетливо ответила хозяйка.

– Я, думаю, что об этом он вам сам расскажет. Так, Афанасий Матвеич!?

– Да-да, разумеется, – машинально проговорил Вертягин.

– А теперь прошу к столу, – проговорила хозяйка.

Ах, что это были за пироги!!! Нет-нет, восклицание к месту. Вы просто никогда не ели таких пирогов. Не ел таких пирогов, по словам крупчатника, и главный кондитер губернского центра. Афанасий Матвеич жевал пирог с луком и яйцами и думал: «Вот я, хлебопёк с опытом и стажем, приехал в глубинку, чтобы найти лучшие колосья пшеницы, смолотить из них лучшую муку и из этой муки создать новый продукт. И вот я приезжаю в эту самую глубинку и обыкновенная женщина-крестьянка угощает меня таким пирогом, который я никогда не едал. Может быть, ничего мне и не надо делать, а просто объявить этот пирог – шедевром искусства саратовских кондитеров и вопрос решён? Что за прелесть – этот пирог! Что за прелесть – Дарья

Филимоновна! Какой молодец – Христофор Петрович, что привёз меня в эту деревню!».

Когда гости плотно поели, Христофор Петрович переключался с лавки на топчан и стал похрапывать.

– Он всегда так, – улыбнулась хозяйка. – Мы с вами, я думаю, займёмся делом, – обратилась она к Дмитрию Ивановичу или вы тоже желаете отдохнуть?

– Нет. Давайте лучше прогуляемся по вашим окрестностям, чего время терять, – проговорил Афанасий Матвеич, искоса поглядывая на похрапывающего крупчатника.

– Тогда не будем терять время, – поддержала стремление гостя хозяйка и они, выйдя из дома, направились в сторону возвышавшейся плосколобой возвышенности. – Вот на эту горку поднимаемся и будет всё как на ладони. Дальше и ходить никуда не надо, – повела Дарья Филимоновна рукой.

* * *

А теперь, оставим на время Афанасия Матвеича с Дарьей Филимоновной, им есть о чём поговорить, а посмотрим, как развиваются события в Саратове. Там ведь одной выходкой Санька на крыше булочной ещё ничего не закончилось. И так, пока Санёк отвлекал своим выступлением хозяев, соседей и прохожих, Капрал, длинной хворостиной, снял с гвоздя вязку кренделей, приготовленную хозяевами для продажи, положил на землю и тут же незаметно бросил на неё, заранее приготовленную, разлапистую ветку сирени и

примкнул к толпе. Всё было сделано совершенно незаметно и быстро.

После того, как толпа разошлась, вязка кренделей перекочевала в заросли ивняка и сирени, что росли неподалёку.

– А чё, ловко Санёк на крыше плясал, – говорит Шмоня, дружески похлопывая, Санька по плечу и усаживая его рядом с собой. – Высший класс! Учитесь, мелюзга, как надо дела проворачивать. Ты, Капрал, тоже молодец, – обратился он к мальчишке в фуражке с полуоторванным козырьком. – Ловко вязку снял. Теперь есть что в рот положить. Только это не всё. – И он вытащил из-за пазухи с полметра колбасы. – Вот, пацаны из глебчи подбросили. Они нам – мы им, что лишнее. А теперь будем делить, кому что полагается, по вкладу в общее дело. – Шмоня обвёл взглядом притихших детей, стукнул по руке, которая хотела взять крендель и произнёс, – Саньку за мастерство положено крендель и колбаски. Так? Так. – Он дал Саньку колбасы и крендель. – Капрала тоже не обидим, молодец.

Пока шёл делёж был слышен только голос Шмони. Он кого-то хвалил, кого-то укорял.

– А ты, Самарканд, куда руку тянешь, – обратился Шмоня к самому маленькому по росту и по возрасту мальчишке. – Как в деле, так тебя не видно и не

слышно, а как руку тянуть, то ты первый. Ладно, мы не жадные дадим, но с отработкой, понял?!

– Понял, – буркнул мальчишка, которого называли Самаркандом.

– Не слышали! – сказал Шмоня. – Громче!

– Понял, понял! – громко сказал Самарканд.

– То-то же, – довольно ухмыльнулся Шмоня. – Сделаешь, что я скажу, и будем в расчёте.

– *Вязку кренделей стащили!* – послышался от булочной, где только что плясал и играл на крыше Санёк – истошный вопль Доры Карповны – работницы булочной. – Вот туточки на гвоздик повесила и нет. – Её голос заглушили другие голоса.

– Ищи лучше, раззява, – проговорил, ухмыляясь Шмоня, повернувшись на долетевший голос Доры Карповны, – и тут же, обращаясь к Саньку, спросил:– Хочешь быть моей правой рукой в команде и всегда сидеть рядом?

Санёк довольно улыбнулся и кивнул. А как же было не согласиться. Это так здорово. Сам Шмоня предлагает ему стать его правой рукой. Это много значило в ребячьем босоногом мире. Этот мир жил своей, отличной от взрослых жизнью. Здесь главенствовало право сильного и смелого, здесь в команде каждый свой авторитет зарабатывал сам. На последних ролях быть никому не хотелось, иначе будешь выполнять дурацкие приказы Шмони и его приближённых, а

уж покуражиться они умеют. В команду никто никого не загоняет. Просто в округе полубеспризорные мальчишки знают, что Шмоня – это сила и лучше быть с ним, чем одному. Вдруг Шмоня поднял руку. Это означало, что все должны притихнуть и говорить будет только он.

– Так вот, Саня! – Начал он. – Притарань ка ты мне из этого домика, где делают всякую вкуснятинку, – он кивнул в сторону хлебопечки, – пирожков. Что-то Шмоня по пирожкам из филипповской булочной соскучился. – Сказал предводитель команды и добавил. – Моё решение не обсуждается. Когда принесёшь, – тогда и о твоём авторитете в команде подумаем. А сейчас все разбежались. – Мальчишки тут же стали по одному, по два расходится.

– А к какому дню? – спросил Саня Шмоню.

– Чем быстрее справишься – тем выше ранг. Прощедил сквозь зубы Шмоня и растянулся на траве. Разговор был закончен.

* * *

– Красота то какая! – воскликнул Афанасий Матвейч, когда они, примерно через полчаса, поднялись с Дарьей Филимоновной на возвышенность и перед ними открылись, засеянные и волнующиеся на лёгком ветерке нивы. – С какого поля ваш необыкновенный пирог? – спросил шутливо Афанасий Матвейч.

– А с того, что к нам ближе всего... – щурясь от солнца, произнесла Дарья Филимоновна. – Его называют – «Дарунино поле».

– Так, получается, и искать нечего?.. – пошутил Афанасий Матвеич.

– Меня в детстве бабушка Даруней называла. А я в этом поле от взрослых пряталась. Оно как раз к нашему огороду подходит. Однажды так спряталась, что всем селом искали. Отсюда и «Дарунино». Люди так прозвали. А на ваши слова «*ничего искать*» скажу так – как раз искать здесь есть чего.

– Не совсем вас понял? – Перешёл с шутливового тона на серьёзный тон Вертягин.

– Вы думаете, что скосите эту пшеницу и дело в шляпе? – Спросила Дарья Филимоновна.

– Разумеется... А что же ещё? Открывается простор для проведения опытов, контрольных выпечек и так далее, а что выйдет из этого – пока не знаю. Ведь так? – и Афанасий Матвеич с грустью посмотрел на собеседницу.

– Нет, Афанасий Матвеич, не так.

– А как же? – встрепенулся тот.

– Раньше чем через год, господин кондитер, а лучше два, вы с этого поля лучшую муку не получите и потолка в качестве сорта не достигните.

– Объясните, пожалуйста... – удивился собеседник возражению Дарьи Филимоновны.

– Тут и объяснять нечего. Сразу видно, что вы не деревенский житель.

– Нет. Мне это очень даже интересно. Вы уж объясните... – заволновался Вертягин.

– Всё просто, – очень серьёзно начала говорить Дарья Филимоновна. – Это поле было засеяно теми же семенами, что и другие поля. Назовём их семенами «средними». И все эти средние семена на этих полях дали разные результаты. Это поле дало лучшие из них.

– Я вас понял! – воскликнул Афанасий Матвееч. – Вы предлагаете засеять это поле ещё раз, но уже семенами не «средними», а собранными с этого поля, так?

– Так, Афанасий Матвееч. Так.

– Это отличная мысль. Вы сами то, так не пробовали?

– Мне это было не к чему. Пироги и из этого зерна неплохие получаются. А выявить истинную силу культуры можно здесь только таким способом.

– Какая же вы, умная женщина! Я поражён. Откуда такие познания в растениеводстве? Вы уж, Дарья Филимоновна, поделитесь.

– Просто, господин кондитер, с зерном пришлось повозиться. Сейчас уже не вожусь. Как муж в

половодье утоп, так с полями я покончила, сдала сельчанам в аренду. Ни женское это дело пахать и сеять. Оставила одну маслобойку. Нам с неё с дочкой на жизнь хватает. Где экономим, где на завтра откладываем, на большее уже не замахиваемся... А с пшеничкой, это так, из житейского опыта. Учитель у нас один на постое был из Мариинского земледельческого училища. Всё по полям ходил, изучал. Он мне, в то время подростку, про жизнь растений и рассказывал. А я памятью. Помню, всё ему очки искала. Он их всё в траве терял. Смешной был, но умный. Муж у меня тоже был умом не обижен. Маслобойку построил, во всё вникал и мне рассказывал. В половодье у него привод заклинило, видно, что-то попало. Он полез в воду привод освободить, нырнул и не всплыл больше. А если говорить о полях, то одно Дарунинское и пойдёт целиком на ваши цели. Другие, что к нему прилегают можно использовать частями.

Дальше шли молча. Каждый думал о своём. Афанасий Матвеич пережёвывал сказанное хозяйкой. И тут ему пришла мысль – «А не пригласить ли Дарью Филимоновну жить в Саратов? Женщина она самостоятельная, творческая, с головой. Мужа нет, так это даже хорошо – может самостоятельно принять решение. Маслобойку сдаст в аренду, а сама будет заниматься хлебопечным делом. Дочка у неё уже большая, может тоже помогать матери. Если всё хорошо рассчитать, то всё и

сложится. Думается, она станет хорошим ему помощником в деле освоения нового хлебного изделия. А почему бы и нет? Пироги то у неё получаются о-го-го какие!

С творческими помощниками пока у него не складывается. Тут дело особое. Человек должен любить хлебопекарное дело. Без любви никакие выпечки и даже обыкновенные кренделя не получатся. Видел он некоторых помощников в деле. У них даже подготовленное тесто толком не поднималось. Потому, что ему всё равно – лопатой он землю бросает или лопатой пирожки в печь ставит. А от нелюбви и результат никакой. Только это предложение Дарье Филимоновне надо сделать как-то поделикатнее, чтобы ни в коем разе не обидеть, чтоб она перспективу увидела, тогда может быть и согласится».

– Дарья Филимоновна... – первым заговорил Афанасий Матвеич.

– Слушаю вас, господин кондитер, – сказала та и пронизательно посмотрела на собеседника.

– Фу! Только не называйте меня господином. В вашей деревне, я, может быть, и произвожу впечатление господина, а на деле я просто мастер кондитерского производства. То есть, человек, который следит за температурным режимом в помещении и в печи, контролирует работу рабочих; в отсутствии управляющего решаю и другие вопросы по пекарне в целом. У нас ведь как?

– Если кто-то из рабочих сделал что-то не совсем так, то работа всего коллектива идёт насмарку. Выпечка сразу покажет недостатки. Только всё это текучка.

– А что же не текучка? – спросила хозяйка.

– Не текучка – это новое изделие. Все мозги мне просверлило.

– А вы выбросьте из головы и сверлить не будет.

– Нельзя, Дарья Филимоновна, от себя не откажешься. Плохо, что времени катастрофически не хватает. Одним словом, в хлебопекарном деле мне нужен творческий помощник. Один я это новое изделие не потяну. Я предлагаю этим творческим помощником стать вам, Дарья Филимоновна. (Возникла небольшая пауза). Что вы мне на это скажете? Жильём я вас в городе обеспечу. Заниматься будете своим любимым делом. Маслобойку можете сдать в аренду, пока на новом месте не обживётесь. И поверьте – у вас достаток в пекарне будет не меньше чем прибыль от маслобойки, а если всё сложить вместе, то неплохо и получится. Ответ за вами...

Дарья Филимоновна остановилась, посмотрела в глаза Дмитрию Ивановичу, как бы, изучая по взгляду, серьёзность сделанного предложения, немного помолчала и проговорила медленно и раздумчиво.

– Скрывать не буду. Я довольна этим предложением. Мне это льстит. Отказываться не буду. Но

только через год, Афанасий Матвеич. За этот год мы с этого поля получим зерно наивысшего качества; я за этим прослежу. А как получим, так и начнём с ним работать. Раньше никак.

– Спасибо что согласились, – проговорил Афанасий Матвеич и глаза его чуть повлажнели. Он был рад, что Дарья Филимоновна в его просьбе не отказала, а ещё он вдруг ощутил в себе тонкий душевный позыв, как ответ на привлекательность и миловидность этой женщины. Этот позыв его чуть-чуть взволновал, но пока не сильно. В общем, это был пока крохотный росток зарождавшихся чувств и его было ещё трудно отличить от других каждодневных волнительных фрагментов жизни Афанасия Матвеича.

* * *

– Ты на толкучку пойдёшь? – спросил Саня своего дружка, Самарканда, когда они вдвоём шли по улице в направлении Волги, чтоб посидеть там, на берегу, побросать в воду камешки. А ещё им было интересно посмотреть на пароходы, и рыбацкие лодки, которые то причаливают к пристани, а то отчаливают и слышны бойкие выкрики лоцманов, а на берегу, на причале снуют грузчики, катят бочки или перетаскивают мешки.

– На толкучку не пойду. – Ответил Самарканд. – Прошлый раз я стянул там платок у бабы. Меня застукали и изрядно поколотили. До сих пор плечо болит. Когда заживёт, тогда пойду. Только я тебя по-дружески хочу предупредить –

ты на посулы Шмони не ведись. Он ведь как придвинет к себе, так и отодвинет. Меня придвигал, когда тебя ещё в нашей команде не было, а потом задвинул. Теперь на отработке...

– А я и не ведусь, – буркнул Саня.

– Ведешься. – Упорствовал Самарканд. – Я видел, как у тебя грудь колесом стала, когда он обещал за пирожки тебя приблизить.

– Тебе показалось... – сплюнул Саня.

– Не хочешь признаться... Вольному – воля.

Только всё равно обманет.

Помолчали.

– Ты в город Самарканд так и собираешься ехать, не раздумал? – спросил Саня.

– А как же. – Санин друг расплылся в улыбке. – Самарканд – это моя мечта. Там верблюды, как у нас лошади ходят, ишаки. У нас нет ишаков, а там есть. А сколько там ничейного винограда-а-а... Ешь – хоть лопни...

– Дались тебе эти ишаки... – буркнул Саня.

– А что, интересно. Мир посмотрю. Что ни говори, а Самарканд – это мечта. Он мне даже иногда во сне снится, – и дружок блаженно улыбнулся. – Ты вот со мной ехать не хочешь, а жаль...

Поехал бы, только мне мамку не на кого оставить.

– А этот твой бугай-отчим не в счёт что ли?
Совсем ничего не приносит?

– Грязь он на сапогах приносит и пьяный мат.
Совсем мамку замордовал. Помер бы, что ль с перепоя и то
было б легче.

– Чего она за него держится?

– Её не поймёшь. То гонит, а когда соберётся
уходить, то не пускает. Я уж давно домой только ночевать
хожу и то, когда он спит, а так дерётся. Мне на улице лучше,
веселее и спокойнее.

– Ну вот, а ты в Самарканд не хочешь. –
Укоризненно сказал друг. – Поехали...

– Нее. Мамку не могу бросить. Она у меня
хорошая, только несчастная, не везёт ей.

– Ну, смотри, Саня, а я в Самарканд. Теперь уж
на будущий год поеду. Чтоб приехать по весне, а там сады
цветут, красота. В этом году я уже опоздал.

– А как же бабка? Бросишь?

– Она мне не родная. Так, жалко ей меня стало,
вот и приняла. Ей даже лучше будет, если я сгину. Раньше я
ей помогал игрушки из глины делать. Она их продавала.

– Как, ты Самарканд – игрушечник? А я и не
знал...

– Нее. Это бабка Прасковья. А я ей глину
приносил, мял, сажу для черноты и лопухи для зелени

собирал... Кирпичи друг о друга тёр, чтоб красная мучка была. Только теперь она уже игрушки не делает и не продаёт. Пальцы какая-то болезнь скрючила... А Самарканд, Саня, – это мечта. Ты мне о нём не напоминай, а то я чумной становлюсь.

– Как же не напоминать, когда тебе прозвище о нём постоянно напоминает?

– Прозвище – прозвищем. Оно в зачёт не идёт.

На этом разговор закончился.

* * *

Прошёл год. Афанасий Матвеич получил ту муку, которую жаждал получить и тут же при помощи Дарьи Филимоновны, она переехала с дочкой жить в Саратов развернул бурную деятельность по воплощению задумки по новому продукту в жизнь. Афанасий Матвеич был окрылён. Он был не один. У него была надёжная помощница Дарья Филимоновна, на которую он мог всецело положиться и не раз убеждался в её творческом подходе к делу. По сути, Дарья Филимоновна и являлась тем локомотивом нового продукта, а Афанасий Матвеич поставлял ей всё, чего она потребует и делился нарождающимися в голове рецептами. Они органично дополняли друг друга. Дарья Филимоновна своим необыкновенным чутьём находила новые и новые пути и дорожки к новому ещё не созданному, но уже внутренне созерцаемому ей изделию.

У Афанасия Матвеича была ещё одна помощница – Дора Карповна. Только с новизной у Доры Карповны как-то не ладилось, а вот делать всевозможные пряности по наработанным технологиям у неё выходило даже очень недурно. В любом случае, особенно к праздникам, изделия расходились на УРА.

Фирма Дмитрия Ивановича Филиппова в Саратове процветала. Всё было у неё: и известность, и связи, и уважение в саратовском обществе. Пожалуй, не было только одного – не было продуктового изделия, которое бы своим явлением говорило и о Саратове, и о Филиппове с его фирмой, и о многом другом, чего просто невозможно не только перечислить, но пока и понять. К этому изделию теперь стремились Дарья Филимоновна и Вертягин. Творческие люди делали то одно, то другое, то третье. В итоге они получали и Муромские калачи, и Городецкие пряники, даже более высокого качества, чем те, что были в Муроме или в Городце, но оригинального продукта не получалось, не было изюминки, не было вскрика радости, не было того, чего невозможно было придумать и это невозможное было совсем рядом. И это невозможное состояло только в том, что нужно было наравне с мукой первого сорта, смолотой из пшеницы твёрдых сортов, проводить опыты и с мукой и второго сорта, смолотой из той же пшеницы. Только к этому надо было прийти.

Прийти и одолеть, оторваться от известного было непросто. Непросто было отказаться от наработанной вершины и по собственной воле спустится на ступеньку ниже. Муку второго сорта из белотурки они не испытывали и не принимали в расчёт. Заняться и вторым сортом тоже наравне с первым, даже не приходило им на ум. И если б даже пришло на ум, то против такого решения восстали бы все клетки как Дарьиного, так и Вертягинского организмов. В то время это было – невозможно и требовался случай, который бы сдвинул этот камень преткновения с места. И этот случай произошёл, и этот камень был сдвинут. Только вот как это произошло я поведаю чуть ниже.

* * *

Перед Санькой, стоял трудный вопрос. Разумеется, он мог подойти к Доре Карповне и выпросить один пирожок. Но он не может выпросить их пять или десять. А вот каким образом пробраться в булочную и выкрасть пирожки – он не знал. Пирожок палкой с крючком не подцепишь, это факт. И надо думать, как решить эту проблему. И наконец, Санька решился.

План его был прост. Они с Саморкандом сидят в засаде и дожидаются, когда рабочие начинают носить в хлебопекарню мешки с мукой. В это время дверь открыта настежь и подпёрта палкой. Здесь, главное, улучшить момент и незаметно проскользнуть внутрь. А там, он быстро залезет в

захваченный с собой мешок и выждет удобный момент, чтоб вылезти из него, когда рабочие перетаскают на склад мешки и уйдут.

В этом плане голова у маленького воришки работала блистательно. Санька мог в уме просчитывать всевозможные ситуации, и не было случая, чтобы он оказался в безвыходном положении. А неудача была совсем рядом. Неудача, о которой он даже не мог подумать. Заключалась же она в том, что на тот момент, когда Саня проник в пекарню, его пирожки были отправлены в продажу, а других ещё не испекли.

И ещё был один просчёт Сани – он совершенно не знал, что, пробравшись в хлебопекарню, он зашёл в комнату, которая была специально выделена для работы с новым изделием и в которой почти постоянно находились или Дарья Филимоновна, или её дочь Ксюша. На этот раз они были в комнате вместе. Дарья Филимоновна готовила пробы в небольших дубовых квашнях. Вот она сделала последний замес, вымыла и вытерла руки и, сказав Ксюше, что скоро придёт, а пока пусть тесто подходит, ушла.

Долго сидеть в мешке Санька просто не мог физически. А тут ещё чих привязался. Он нажимал себе на переносицу, но желание чихнуть было так велико, что и переносица не помогла. И Санька чихнул, да так, что мешок слетел с его обмученной головы. В этот момент Ксюша

раскатывала тесто. Она увидела выбеленную мукой голову Саньки и от неожиданности и страха взвизгнула. Несколько секунд длилась немая сцена, затем находчивый Саня схватил большой совок и, зачерпнув им из одного, стоявших в ряд ларей муку, проговорил угрожающе:

– Если не скажешь, где храните пирожки, то этот совок я высыплю во все эти кадушонки с тестом.

– Это не кадушонки, а квашни, – сказала Ксюша. – А в них пробы. Сейчас мама придёт и будет эти пробы подбивать и ставить в печь.

– Вот и хорошо! Вот и прекрасно! Я сейчас к каждой из них подсыплю вот этой мучки и ваши крендельки, или что вы там задумали сделать, будут ещё вкуснее, если ты не дашь мне пирожков. Я понятно говорю? А?

Ксюша на какое-то время растерялась. И вдруг, сама не ожидая от себя такой прыти, разжимающейся пружиной, бросилась на Саньку, схватила его за руку и за совок и стала отталкивать от квашен. Хотя Ксения была выше Саньки и на вид сильнее, ей никак не удавалось перехватить инициативу. Мальчишка был ловок и изворотлив. Санька, понимая, что он слабее девчонки, решил одним концентрированным усилием вырвать совок из Ксениных рук и овладеть ситуацией. Ксения же решила просыпать муку из совка на пол, мимо квашни. И в тот момент, когда Санька изо всех сил потянул совок на себя, Ксения повернула ручку совка.

Усилия совпали, совок оказался над квашнёй и мука точно полетела на свежеприготовленное тесто.

– Дурак! – Крикнула Ксения, схватила половую тряпку и с плачем стала ей стегать мальчишку.

– Ты чё, сдурела?! – уворачивался Санька от тряпки, загораживая лицо руками.

Наконец Ксения от перенапряжения выпустила из рук тряпку и, всхлипывая, опустилась на лавку. Санька сел рядом.

Они какое-то время молчали, потом Санька сказал:

– Чё, бросилась как кошка? Я только поугагать хотел, чтоб ты пирожков дала.

– Где я их возьму? Ы-ы-ы-. Не пекли ещё-о-о.

– Откуда я знал, что не пекли... Я думал «в пекарне всегда пирожки имеются».

– Как видишь, не всегда-а-а...

– А ты чё здесь делаешь?

– Я «мальчиком» служу в кондитерском отделении. Ы-ы-ы-ы...

– Понятно: принеси, подай, сбегай... Ты вот что, кончай реветь, а лучше перемни эту муку в квашне, что просыпали. Так незаметно будет. А там – одна проба удалась, другая нет, кто их разберёт почему? А скажешь про меня –

тебе не поверят. А если и поверят, то и отругают за то, что выпустила, а чего хуже, попрут из хлебопечки...

– Ты так думаешь? Говорить взрослым не надо? – Спросила Ксения, перестав плакать и уставившись большими глазами на Саньку.

– Надо всегда находить более простой способ выхода из ситуации. Это самый простой. Ты переминая тесто умеешь? – Ксюша кивнула. – Вот и мни тесто, только прежде меня выпусти. Да выгляни на улицу, чтоб лишних глаз не было и меня никто не увидел, а то с тебя ж и спросят, «Кто был и что делал?» Поняла?..

– Угу. –

Ксюша выглянула за дверь и, убедившись, что во дворе пекарни никого нет, выпустила Саньку, заперла дверь на засов и стала переминая тесто в квашне.

* * *

В рабочей комнате Дарьи Филимоновны, на следующий день обсуждался вопрос не только воровства малолетками выпечки, но и другой, более сложный вопрос, – вопрос нового хлебного изделия. Только перед этим обсуждением произошло событие поставившее Дарью Филимоновну в сложное положение. Она, разумеется, заметила перемены в поведении дочери и учинила ей допрос. Та, вначале молчала, а затем, расплакавшись, рассказала матери и про ночного воришку, и про её с ним борьбу, и про

испорченный пробный замес. Дарья Филимоновна внимательно выслушала дочь и сказала:

– Успокойся. Никто тебя за это бранить не будет. Ты ни в чём не виновата. Только от меня скрывать было не надо. Я сразу заметила, что тесто в той квашне как-то странно себя ведёт и, всё-таки поставила пробу в печь. Теперь будем вместе смотреть, что получилось? Выбросить испорченный хлебец нельзя. Афанасий Матвеич сказал, что будет лично участвовать в съёме проб. Так, что из-за этого воришки мне придётся, дочка, малость покраснеть, ведь Вертягин обязательно попробует на вкус и этот хлебец. Он дотошный, всё знает и всё помнит. От него не утаишь.

На этом разговор матери с дочерью прекратился. В комнату вошёл Афанасий Матвеич и с порога произнёс:

– Чем порадуете, Дашенька! Что за сюрприз вы нам с дочкой сегодня приготовили! Давайте, показывайте, показывайте. Жду с великим нетерпением...

– Нечем особо радовать. – Немного растерянно проговорила Дарья Филимоновна и продолжила. – Я думаю, Афанасий Матвеич, что до сегодняшнего дня мы шли в деле освоения нового продукта неверным путём. Нам нельзя расползаться по разным направлениям. Ведь у нас что получается – мы начинаем делать саратовский пряник, в это же время делаем калач и тут же проводим опыты по слоёному

саратовскому пирогу. И у нас не получается ни слоёный пирог, ни калач, ни пряник. Мы не сосредотачиваемся на одном изделии, а рассыпаемся по многим и ещё возьмем в многочисленной рецептуре, как в вашей, так и в моей. У меня уже от этих пробных рецептов голова кругом идёт. Здесь надо класть корицу, там не надо класть корицу, здесь обязательно нужен тёртый лук, а там он не нужен... С ума сойти.

– Вы правы, Даша. – Проговорил, выдержав паузу, Афанасий Матвееч. – Вы совершенно правы. Нам надо выбрать одно направление, потому как бьют только кулаком. Растопыренными пальцами не ударишь. Но, в этом- то, вся и сложность. Год назад мы так думали. Вместе, Даша, думали. – Подчеркнул Вертягин, – Это было не одно моё волевое решение – идти сразу несколькими направлениями и что так мы быстрее поймём, что нам выбрать. По сути, так и произошло. Мы протаптывали дорожки в разных направлениях, и теперь пора подвести черту и выбрать наиболее перспективное из них, что вы, Дарья Филимоновна, об этом скажете?

Надо заметить, что в процессе работы Афанасий Матвееч называл Дарью Филимоновну просто Дашей, а в ответственные и особо ответственные моменты обращался к ней исключительно по имени и отчеству и этим подчёркивал особую значимость её мнения.

– Мы, Афанасий Матвеич, наиболее успешно продвинулись в разработке калача. Другие направления заметно отстали или топчутся на месте. Вывод напрашивается сам по себе. Вот наши последние пробные калачи. – И она поставила на стол несколько круглых хлебов, в замес одного из которых Санька опрокинул совок с мукой.

Опытный кондитер довольно быстро снял пробу с трёх калачей и поморщился.

– Н-да... Не шедевр. Не шедевр – сказал он и укоризненно посмотрел на Дарью Филимоновну. Та опустила глаза.

После этих слов он разломил и тот злосчастный хлебец, поднёс отломленную половинку к лицу и стал втягивать носом запах мякиша. При этом он прикрыл глаза и некоторое время не отрывался от исходящего от хлебца аромата. Затем открыл повлажневшие глаза и спросил:

– Как вы, милейшая Дарья Филимоновна, этого добились? И почему уже десять минут молчите!?

– Я нисколько не молчу. Я просто смотрю на вашу мимику. Сама я ещё пробу не снимала...

– Так всё получилось!!! – выкрикнул Афанасий Матвеич. – Вдохните этот запах... – и он подал Дарье Филимоновне вторую половинку хлебца. Она положила кусочек хлебца в рот и стала медленно жевать...

Вертягин и Дарья Филимоновна радовались как дети. Они хохотали, они кружились, они зачем-то посыпали друг друга мукой, в общем, вели себя не совсем адекватно.

– Вы, душечка, вы гений! – повторял главный кондитер. – Вы добились невероятного...

– Мы вместе этого добились, уважаемый Афанасий Матвеич. – Проговорила Дарья Филимоновна. – Эта первая удачно выпеченная проба... Сама удивлена! Как он смог так подняться? Я от этой пробы не ожидала такой прыти. И вот, результат на лицо.

– Это, то самое, что мы ищем! – Воскликнул Вертягин.

– Вы так думаете? – Дарья Филимоновна испытующе и с лукавинкой посмотрела на главного кондитера.

– Вы, почему так на меня смотрите и таинственно улыбаетесь? – спросил Афанасий Матвеич.

– Если вы говорите, что это – то самое, чего мы искали, то я хочу вам рассказать историю этого хлебца. Во-первых, эта проба состоит только из основных компонентов, а не изделие в целом. Во-вторых, я на него не выходила. Помог тот воришка-гармонист, что скакал по нашей крыше, помните, о нём ещё рассказывала Дора Карповна? Всё это произошло вчера поздно вечером. Буквально вчера, он залез к нам сюда в комнату, чтобы полакомится пирожками. Его обнаружила

Ксения. Видя, что он разоблачён, мальчишка стал требовать с Ксюши пирожки с угрозой, что насыплет в, приготовленные мной для выпечки пробы, муки. Он взял лоток, зачерпнул из ларя муки и приготовился высыпать содержимое лотка в квашни. Ксения бросилась к мальчишке, схватила его за руки и за лоток. Завязалась борьба, в результате этот проворный шкет всё -таки случайно насыпал в одну квашню муку.

Но и это не совсем конец. Как оказалось, этот мальчишка оказался не совсем отпетый хулиган и негодяй. В нём ещё сохранились остатки совести и сострадания. Он и предложил плачущей Ксюше перемять просыпавшуюся в квашню муку с имеющимся в ней тестом и скрыть следы преступления. Та, видно из страха, что её накажут, на это согласилась и вот результат. Я сама удивилась. Этот замес в квашне, куда была просыпана мука, был в порядке эксперимента, даже исключения, сделан из муки мягкого сорта пшеницы. До этого мы всё время работали с мукой твёрдых сортов, а конкретно с белотуркой высшего сорта, даже второй сорт не употребляли. Что на меня нашло, не знаю, только решила попробовать. И попробовала. А вот какую, сорванец в этот замес из лотка муку плюхнул, требуется выяснить. А уж, сколько туда её угодило? – узнать будет несложно.

– Ты, Даша, гений!!! – вскричал Афанасий Матвееч.

– Это не я гений, это тот балбес, захотевший пирожков, гений.

– Всё равно. Вы все гении. Одна, что подготовила пробы, другая, что вступила в борьбу, третий, что просыпал и предложил замести следы перемином. Вот всё это и есть тот самый господин его величество случай! Кстати, Ксюша помнит – из какого ларя он черпанул муку?

– В том-то и дело, что не помнит. Испугалась, испорченная проба и так далее. Одним словом, надо искать этого сорванца, может быть, он что-то помнит?

– Будем искать. Эх, если б удалось повторить это случайное и не случайное!..

– Думаю, Афанасий Матвееч, рецептура нам ещё преподнесёт сюрпризы.

– Вы так считаете? – удивился Вертягин.

– Уверена. Давайте немного подождём. Мальчишка от нас никуда не денется.

– Да-да, конечно. Если надо, подключим полицию. Только мальчишку не надо пугать, а то замкнётся.

– Лучше сразу пообещать их компании противень пирожков с мясом.

– Вы правы, Дарья Филимоновна. Именно так и сделаем.

– А пошлите на переговоры меня, – раздался голос Ксюши. – Они меня не испугаются. Мне с ними проще

разговаривать, чем взрослым. Только что я им пообещаю, надо будет обязательно выполнить.

– Мудро... – проговорил Афанасий Матвеич. – И не надо никакой полиции. Решим всё сами. Молодец, девочка.

* * *

На следующий день Ксения, дождавшись, шедшего на сходку команды Санька, заступила ему дорогу.

– Ты чё, белены объелась, – буркнул Санёк, останавливаясь.

– Я не белены, Саня, объелась. Просто приглашаю тебя к нам на ужин. Придёшь?

– Поди, кондитеру пожаловалась, вот он и ждёт меня там с венником из крапивы, чтобы попарить. Ищи дурака.

– Брось ты, Сань. Просто из того теста, что мы перемяли, хорошее изделие получилось. А я не помню, из какого ты ларя муку брал и каким совком черпал. У меня это в голове не застряло. Ты же знаешь, какая я была вначале испуганная и взволнованная? Меня спрашивают, а нисколечки не помню... Мне и так нагоняй был... Придёшь? А?

Санька помолчал, подумал и сказал:

– Такие дела, Ксюха, у нас так просто не делаются. Мне надо поговорить с Шмонеёй. Иначе за самость могу получить под зад коленкой.

– Так решай скорее со своим Шмонеёй. Я тебе не мешаю. Объясни ему, что и как?

– Уж, объясню как-нибудь.

Саня, отодвинув плечом девчонку, пошёл своей дорогой, а Ксюша, гордо дёрнув плечом, пошла домой.

В команде Саню ждали. Никто не знал, что он провалил операцию по захвату пирожков и, видя, что он идёт пустой, готовы были допросить его по всей строгости мальчишеского закона.

– Ну, и как? Наелся Филипповских пирожков?

– Спросил Саню Капрал.

– Не было пирожков, – ответит тот.

– Хотя бы крендельками угостил...

– Кренделей тоже нет, а вот предложение ко всем нам есть...

– И что это за предложение, выкладывай, – проговорил Петька-шмыга, подручный Шмони.

– Булочная готова сделать нам угощение, если я покажу им из какого мешка я просыпал муку, когда лазил за пирожками.

– Это что-то из сказок. – Засмеялся Петька-шмыга. У нас, ребята, Санька-гармонист – сказочник! Сказки

сочиняет. Где это видано, чтоб воришек за неудавшийся наскок пирожками угощали!..

– Правда... Эта мука, что просыпалась, с какой-то другой смешалась и у них что-то там из этого получилось, – проговорил неуверенно Санька.

– Айда, все к дому Филипповых, – сказал Шмоня, – там и выясним...

Все разом встали и двинулись к булочной.

У булочной их встретил Афанасий Матвеич.

– Я рад, что вы пришли! – сказал он громко, обращаясь к мальчишкам. – Мне очень надо, чтобы ваш друг, он кивнул на Саньку, показал мне из какого ларя он зачерпнул муку. Это очень важно для научного эксперимента. Если вы его отпустите, то для всей вашей компании я готов подать угощение. Чего изволите? Ну, говорите... не стесняйтесь...

– Пирожков двадцать штук, нет тридцать! – выкрикнул Петька-шмыга.

– Пятьдесят пирожков, – заключил Шмоня, – потянешь дядя?

– Договорились! – Громко произнёс Афанасий Матвеич. – Принято. Пирожки уже готовы!

– Вначале пирожки, а потом вам Санька, – уточнил Шмоня.

– Пирожки сейчас принесут! – и он сделал знак рукой.

И только он это сказал, как из булочной Дарья Филимоновна, Дора Карповна и Ксения вынесли противни с румяными пирожками.

– Давай, гармонист, дуй, показывай кондитеру, чего он от тебя хочет, – проговорил Шмоня, хватая и засовывая пирожок в рот.

Саня не заставил себя долго ждать. Он прошёл в булочную, затем по коридору в производственные помещения и в комнату, где встретился с Ксеньей. Всё в ней стояло так, как и в тот день. Вот лари, вот совки, вот уже пустые квашни.

– Тебе Ксюша объяснила, чего мы от тебя хотим узнать? – Спросил Афанасий Матвееч, обращаясь к Сане.

– Да. Я всё понял. Вот этот совок, которым я черпал муку. – И Саня взял в руки совок.

– А может быть ни этот? – Спросила Ксюша.

– Этот. – Уверенно проговорил мальчишка. – У него ручка кривая. Из-за неё и просыпалось. Муки я зачерпнул полный совок, чтоб на все квашонки хватило.

– А ларь... Из какого ларя ты брал муку? Можешь показать? – спросила вкрадчиво Дарья Филимоновна. – Их здесь пять...

– А что не показать... Могу показать. Вот из этого и брал. – Саня показал на ларь, стоявший с краю.

– Может быть из соседнего взял, а не из этого?

– Пытаясь проверить мальчишку, спросил Афанасий Матвейч.

– Нет, из этого. Он от меня самый близкий, а до тех хоть два шага, а надо пройти. Не-ет, из тех я не брал, не под рукой. Я повернулся и сразу зачерпнул. К тем подойти надо.

– Хорошо, Саня. Ты нам помог, – проговорил Афанасий Матвейч, – А теперь, Ксюша, накорми парня пирожками, а мы с Дарьей Филимоновной побеседуем.

* * *

– Получается, он насыпал в пробу Белотурку, сорт *второй Голубой*, – проговорила Дарья Филимоновна немного растерянно. – Может, соврал, а сам насыпал сорт *первый Голубой*?

– Ты ничего не путаешь с мукой? – сразу посерьёзней Афанасий Матвейч. – Второй сорт и такой результат! Не может быть... Примерно, сколько процентов он туда всыпал, можно сказать? Лоток довольно вместительный...

– Точно не скажу, сами знаете. Но процентов двадцать пять – тридцать всыпал.

– Я вас попрошу, Дарья Филимоновна, сделать ещё несколько проб с таким процентным содержанием и посмотрим, что у нас получится.

– Хорошо, Афанасий Матвеич. Я тотчас этим займусь. Очень интересно увидеть результат.

Результат превзошёл все ожидания. Калач получился настолько пышным, вкусным и мягким, что можно было говорить о рождении нового саратовского продукта с его уникальными свойствами. Одно из свойств калача было умение восстанавливать прежнюю форму после сминания в лепёшку, а второе – долго не черстветь, но это выяснилось чуть позже.

– Посмотрите! Посмотрите! – говорил в волнении Афанасий Матвеич, – Он встаёт, встаёт. Дора Карповна! Да что же вы не смотрите!

– Как же я не смотрю, смотрю!

– Ксенечка! – ведь правда, он поднимается после того, как я сдавил его сверху в лепёшку?

– Дарья Филимоновна! Ну, Дашенька! Что же вы отвернулись и прижали к лицу полотенце? Вы, совершенно не смотрите...

– Я плачу, Афанасий Матвеич. У меня слёзы сами текут. Я не могу смотреть и не могу их остановить.

– Дашенька, Ксенечка! Смотрите – он принял прежнюю форму. Его не отличить с рядом стоящими, его братьями. Они совершенно одной высоты, хотя на те калачи не надавливали и не сплющивали! Вы видите!

Афанасий Матвейч никак не мог успокоиться, он продолжал повторять одно и то же, и жестикулировать.

– Да видим же, видим! Чего вы так разволновались из-за этого вставания, – чуть грубовато, потому что такой был у неё голос, проговорила Дора Карповна.

– Да потому, Дорушка, волнуюсь, что вкус и у других калачей есть и у Муромкого и у Московского, а вот подниматься и стать как прежде только саратовский может. Он же из наших местных зёрен рождённый. Вот, вот. Хорошее слово нашлось применительно к нашему калачу – *рождённый*. Именно *рождённый*, а не испечённый. В этом слове больше божественности и неотмирности... Ай, да мы, ай да белотурка, ай да Саратов...

– Ксюша! Накапайте Афанасию Матвейчу валерьяночки, пусть выпьет. Иначе с ним может беда приключится, – попросила Дора Карповна. – Разве так можно волноваться...

– Я не волнуюсь, Дора Карповна. Это не волнение. Я просто вскипаю изнутри. Такая удача. Вы знаете, Дарья Филимоновна. – Я ведь ещё раньше предполагал, что первый и второй сорт отличаются не только мелкотой помола, а вот явного тому подтверждения не было. И вот калач подтвердил.

Это должно было произойти. Боже! Как я счастлив... Надо скорее доложить управляющему, а он уж доложит в Москву самому Дмитрию Ивановичу. Какая радость. Дарья Филимоновна! Я вас необыкновенно люблю. Будьте со мной всегда.

– Как-то вы непонятно выражаетесь, Вертягин.

– Подняв брови, произнесла Дарья Филимоновна.

– Как это непонятно? Дарьюшка-а-а. Всегда – это значит на всю жизнь.

– Опять как-то двусмысленно? Мы и так с вами, бок обок, работаем.

– Не в том смысле, Дарунюшка...

– Да что тут непонятного. – Встряла Дора Карповна. – Афанасий Матвеич в экстазе нахлынувших чувств, сказал вам то, чего никак не мог решиться, сказать раньше. Я то, старая, всё видела и вижу. Он питает к вам чувства.

– Вы что, делаете мне предложение, – спросила, улыбаясь, Дарья Филимоновна.

– Вот именно, Дарунюшка, предложение, – проговорил Афанасий Матвеич решительно. – Именно так и бесповоротно.

Однако за двойной радостью не могла не прийти и скорбь.

* * *

Через день случилась беда. Самарканд упал с дерева и получил двойной перелом ноги. Афанасий Матвеич на руках отнёс мальчишку в больничку. Через месяц Самарканд и Санька встретились на берегу Волги. Самарканд опирался на самодельный костыль.

– Что в команду не идёшь? – спросил Санька друга.

– Не хочу. Команде нужны здоровые и крепкие, а я калека.

– Как тебя угораздило?

– Шмоня потребовал, за долг, чтобы я по веткам перешёл с дерева на дерево. Вот и перешёл. – Самарканд вздохнул.

– Не расстраивайся... Нога заживёт, – начал успокаивать друга Саня.

– Доктор сказал, что хромать буду, даже если и заживёт. Жалею только об одном – в Самарканд теперь ехать нельзя. Только, я уже здесь с костылём приспособился. На паперти у церкви с вытянутой забинтованной ногой сижу и костыль рядом. Получается лучше, чем раньше.

– А я тут с тобой собрался в Самарканд. – Сказал Саня тихо. – От отчима совсем житья не стало. Теперь они вместе с мамкой пьют. Я тут никому стал не нужен. Ну, раз тебе нельзя, да я и вижу, что нельзя, то я один поеду. Я

уже с баржой договорился. Буду у них на борту работать. Обещали взять.

– Когда твоя баржа отходит?

– Да вот она стоит, видишь – бочина чёрно-рыжая.

– Вижу.

– Я на тебя тоже договорился. Да, ладно, один поеду. Мне назад хода нет. Прощевай, дружище...

– А ты с друзьями и Шмонею попрощался?

– Шмоне лучше не знать, что я уехал, и ты молчи.

Санька встал, крепко обнял Самарканда, взял котомку и направился к сходням. И вдруг сверху, с берега закричали. Санька остановился. К нему по дощатым ступеням первыми спускались Ксения и Афанасий Матвеевич. Сзади, держась за поручни, более осторожно шла Дарья Филимоновна. Ксения и Афанасий Матвеевич торопились, не попадали на ступеньки, спотыкались. Вот они добежали до Сани и Афанасий Матвеевич, одел ему на плечо туго набитый завязанный мешок и сунул в руку несколько купюр.

– Здесь провизия, – говорил он прерывисто. – До Астрахани, а может быть и дальше хватит, здесь и калачи и бублики и пирожки, Это от всей души. Надумаешь возвратиться – возвращайся. Мы тебя не бросим.

– Спасибо, Афанасий Матвеич. Ничего не надо. С голоду не помру. Я на барже заработаю... Не пропаду... Если с этой посуды погонят – я на другую баржу пересяду. И потом, со мной гармонь. Она не даст пропасть с голоду.

– Знаю! Знаю! Ты бери... Я не знал, что ты сегодня уплываешь. Мне Ксюша в последний момент сказала.

– А как там калач? Оценили? – Спросил Саня.

– Всё хорошо. Начальство сказало, что наш калач будет выставлен на Нижегородской ярмарке под именем «Калач саратовский». Наш, Саня, калач, наш!..

Подбежала Дарья Филимоновна, обняла Саню. Она не могла говорить от волнения.

На барже раздался свисток.

– Мне пора, – сказал Саня и, придерживая рукой мешок, ступил на сходни. Вот сходни убрали и баржа стала медленно отходить. Саня долго стоял у борта баржи, глядя, как теряется вдалеке пристань и только четыре фигурки были ясно видны, там, где начинается лестница у самой кромки обрыва.

27.10. 2021 года.

Африкантов Пётр Петрович

ДАРУНИНО ПОЛЕ

или

*сказ о том, как саратовский
калач испекли*